

на востоке — Борис Грайфер. Во главе партии в центре поставили Петра Коробецких. Это была ошибка руководства. Николаев и Грайфер по воздушным продолжениям тонких прослоев известняков построили по краям площади свои карты, а Коробецких в центре — отказался. Втроём выехали на Каму в лодке-плоскодонке. Обнажения красноцветов горели на солнце. Прослой известняков можно было проследить только на коротких отрезках.

— Видите, друзья мои, как умозрительны ваши воздушные продолжения! Я следую принципу великого землемера Смита: вижу — пишу, не вижу — не пишу.

Николаев и Грайфер, ни живы ни мертвы, слушали коллегу — ведь год на дворе стоял 1939-й. Скандал на защите был грандиозный. Рецензенты отчёт оценили на «удовлетворительно», причём и они сильно рисковали — тоже легко могли попасть во «вредители». К счастью, план по посадкам был на тот момент выполнен. Я читал этот отчёт. Выпорхнул из него ветхий листочек: «Расписка. Мною, Татьяной Байдиной, получено десять рублей от геолога Коробецких за показ обнажений в лесу».

— Правильно. За копейку канарейка басом не поёт.

Все знали, что Пётр Евсеич писал книгу — не только об Урале, но и обо всех подвижных областях земного шара. Последнюю геологическую сенсацию — тектонику плит — Пётр Евсеич отвергал навзничь при том, что он перелопачивал всю доступную геологическую литературу. Говорил: «Я стал необорим».

— Но мы скважинами вскрываем надвинутые пластины, получаем повторение разреза.

— Вы заблуждаетесь. Мы видим только складки на скатерти. Боже, как он был одинок!

После очередного прикладистого удара кусок алевролита разлетелся. Виктор Иваныч поднёс дресву к близоруким глазам.

— Сёма, помнишь параметрические скважины Суксуно-Рождественской площади? Терригенный клин, ядрёна глина!

Можно ли забыть свою молодость? После фантастически сложной геологии одной из межгорных впадин Сихотэ-Алиня я худо-бедно освоил немудрёную, как мне тогда казалось, геологию Русской платформы. Урала же я дико боялся. Пётр Евсеич отдал мне свои рабочие записи в синих школьных тетрадках в клеточку, выполненные, как заведено в геологии, хорошо отточенными кохиноровскими карандашами средней

НА СТОЛЕ «ОДНОРУКОГО БАНДИТА» — СВЕЖИЕ НОМЕРА «СОВЕТСКОЙ ГЕОЛОГИИ» И GEOPHYSICS. ДО НЕГО НЕФТЬ НА ПЕРМСКОЙ ЗЕМЛЕ ИСКАЛИ ПО ПРИНЦИПУ «ДАЖЕ СЛЕПАЯ СВИНЬЯ НАЙДЁТ ЖЁЛУДЬ»

твёрдости. Вздыхающийся Урал будто бульдозером счищал породы с вершин, сбрасывал их в Предуральский прогиб, где накапливался утоняющийся к западу «терригенный клин» (от слова «терра» — земля). Ёжику понятно, что это не комар написал. Уральский материал полойно замещал осадки раннепермского мелкого моря. По синим тетрадкам можно было проследить, как рос Урал, как вздымались горы из «тёмно-синего тёплого Уральского океана». Молодёжь потешалась: как академик Наливкин узнал, что море было тёмно-синим, а не светло-голубым?

— Дерзайте, юноша, — сказал мне Пётр Евсеич. (Как он был щедр!) Помимо практической пользы для группы Патрикеева вы получите бесконечные переживания в процессе изучения неисчерпаемого прошлого.

Мои «дерзания» он всячески поощрял: — В геологии надо быть гончей, надо разбивать лапы в кровь. Гончей собакой или скаковой лошастью.

Свои материалы я показывал Виктору Ивановичу. Его и так терзали бесконечные сомнения в точности карт скоростей. А тут ещё я со своими «всёлыми картинками». Впрочем, он буквально впивался в них:

— Как раздулся лёкский гипс! А посредине пласта, ооо! — лёгкое придыхание, — глинки эдакие славные.

Виктор Иванович по своей натуре перфекциониста тянул до последнего.

Отбивался от интерпретаторов:

— Некоторым всё равно, с какой точностью построены карты скоростей.

— Все проектные сроки вышли. Во-первых ругается чёрными словами.

— Так считать глубины тебе, а не Шершнёву.

Он зачем-то пугал людей формулами с таинственным тангенсом девяноста градусов, который, как известно, равен бесконечности.

Шершнёв — великолепный, подтянутый, умный, остроумный, в новом финском костюме, в накрахмаленной рубашке изумительной белизны. Левая рука — в чёрной перчатке: после войны много чего взрывчатого находили пацаны на северных склонах Кавказских гор. На столе «однорукого бандита» — свежие номера «Советской геологии» и Geophysics. До него нефть на пермской земле искали по принципу «Даже слепая свинья найдёт жёлудь». Однажды его, в ту пору румяного юношу, пронзило: нефть на пермской земле — в ловушках над погребёнными рифами, подобными современным австралийским Великим барьерным рифам, — и пошли открытия! Константин Степанович затаил на годы свою диссертацию с защищаемым положением о системе барьерных рифов. На учёном совете ему сказали: да про эту систему — «матушку-кормилицу-попилицу пермских нефтяников» все давным-давно всё знают...

Жалобы мятежных исполнителей в адрес Патрикеева привели к тому, что Вожак роскошным своим баритоном прорычал:

— Пора кончать с патрикеевщиной! — Гневно глянул на него, потом на меня, продолжил. — А также с ваксманизмом... вейсманизмом... морганизмом. — Пауза.

Я зачем-то добавил: «...менделизмом».